

НОВАЯ **ЭКОНОМИКА**
№3-4
сентябрь-октябрь
2005

содержание

Слово главного редактора 3

ЭКОНОМИКА

Байнёв В. Ф. Современный либерально-рыночный капитализм как главный фактор кризисного развития и глобальных проблем цивилизации 5

Пелих С. А. Научно-теоретические основы экономических трансформаций 28

Иванова Е. И. Высшее образование как фактор успешного развития Республики Беларусь 37

ОБЩЕСТВО

Мельник В. А. Социокультурные идеалы и ценности белорусского народа 41

Стефанчук Р. А. Эвтаназия: право на жизнь или право на смерть? 71

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Шиптенко С. А. Солнце Дальнего Востока 86

Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии 93

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИБЕРАЛЬНО- РЫНОЧНЫЙ КАПИТАЛИЗМ КАК ГЛАВНЫЙ ФАКТОР КРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ И ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Байнёв Валерий Фёдорович,
доктор экономических наук, профессор

Байнёв Валерий Фёдорович, родился 4 апреля 1966 г. в г. Балхаш Казахской ССР. Русский. В 1992 г. окончил факультет промышленной электроники Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск, Российская Федерация). После окончания вуза учился в очной аспирантуре, в 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную решению проблем управления электротехническими комплексами и системами (Нижегородский государственный университет). В период с 1998 по 2000 гг. проходил обучение в очной докторантуре Санкт-Петербургского государственного университета, где защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук по проблемам научно-технического прогресса в энергетике.

С 2001 г. постоянно проживает в Беларуси, работая в должности профессора кафедры менеджмента Белорусского государственного университета. В 2004 г. ВАК Республики Беларусь присвоила ему учёное звание профессора по специальности «Экономика».

Имеет разносторонние научные интересы в сфере экономики и управления отраслями реального сектора экономики, инновационной и образовательной деятельностью. Осуществляет научное руководство тремя госбюджетными научно-исследовательскими работами, в числе которых:

1. НИР № 20012537 «Теоретико-методологическое развитие антикризисного менеджмента сферы реального сектора экономики» (2001–2005 гг.), входящая в состав ГПОФИ «Национальная экономика и стратегия развития» (2003–2005 гг.)
2. НИР «Инновационная политика России и Беларуси в условиях формирования единого технологического пространства» (2005–2007 гг.), выполняемая по гранту БРФФИ №Г05Р-014.
3. НИР № 20051391 «Теоретическое обоснование и разработка концептуальных основ Кодекса об образовании» (2005 г.), выполняемая по отдельному заданию Министерства образования Республики Беларусь.

Является автором и соавтором более 140 научных и учебно-методических работ.

Вполне естественно, что на рубеже веков и тем более тысячелетий представители самых различных сфер жизнедеятельности современного общества подводят итоги, анализируют успехи и неудачи, выявляют проблемы и тенденции, делают прогнозы и строят планы на будущее. Разумеется, не стали исключением из данного правила и ученые в сфере социальных наук, посвятившие большое количество научных трудов данной тематике. Обзор публикаций, связанных с анализом развития мировой экономики и цивилизации в целом на протяжении последних 2–3 десятилетий, позволяет выделить, пожалуй, два наиболее значимых, на наш взгляд, предельно обобщенных результата.

Прежде всего, к числу фундаментальных итогов минувшего века необходимо причислить окончание противостояния двух антагонистических социально-экономических систем, которое завершилось если не безраздельным господством, то уж, по крайней мере, *безоговорочным доминированием на Земном шаре рыночно-капиталистической идеологии*. И действительно, на планете вот уже полтора десятилетия отсутствуют СССР и социалистический лагерь, а всю планету в буквальном смысле захлестнуло рыночное реформирование. Сегодня идея глобализации, суть которой в конечном счете сводится к распространению либерально-рыночных принципов хозяйствования на весь мир, большинством ученых-экономистов признается в качестве лейтмотива современной эпохи.

Страны, переходящие к рынку, как и многие развивающиеся, словно соревнуясь друг с другом, спешат всячески проявить лояльность и предан-

ность новому великому учению победившего рыночного капитализма. Дабы заслужить благосклонность «дедов» рыночно-капиталистической гвардии, которые волены предоставить «новобранцам» являющийся для последних пределом мечтаний статус страны с рыночной экономикой, принять их в ЕС, ВТО или НАТО, пригласить отличившихся в «семёрку» или изгнать провинившихся из «восьмёрки» и т. п., страны с переходными экономиками наперебой рапортуют об опережающих темпах приватизации и небывалых успехах в строительстве обладающих чудотворной силой рыночных институтов. Лидеры стран «новобранцев», боясь малейшего подозрения со стороны всемогущих победителей в инакомыслии и диссидентстве, словно молитву, твердят хорошо заученные заклинания о необратимости рыночных реформ, о невозможности пересмотра итогов приватизации, о приверженности светлым идеалам глобального либерально-рыночного (а на деле уже давно монопольно-олигархического) капитализма. Причем это происходит в то время, когда все упомянутые в заклинаниях успехи давным-давно прокляты абсолютным большинством прикованного к «сырьевой тачке» населения не относящихся к «золотому миллиарду» стран.

В качестве второго фундаментального итога прошедшего тысячелетия необходимо признать *беспрецедентное обострение глобальных противоречий цивилизации*, «типовой» набор которых (экологическая, сырьевая, энергетическая, продовольственная, демографическая проблемы, а также возможность самоуничтожения цивилизации вследствие качественного и ко-

личественного совершенствования производственных энергомоцностей и разрушительной силы оружия) в последние десятилетия дополнился рядом новых пунктов.

Так, сегодня к числу вновь обозначившихся глобальных противоречий кризисного развития цивилизации ученые уверенно причисляют:

- и без того чудовищное по своим масштабам, но продолжающееся быстро углубляться *социально-экономическое неравенство как отдельных людей, так и целых народов, стран и континентов* (по данным ООН, сегодня более 1,1 млрд жителей планеты, имея дневной доход менее 1 USD, элементарно бедствуют, причем до 40 тыс. землян ежедневно умирают от недоедания, в то время как среднестатистический житель стран «золотого миллиарда» более 2 USD в день тратит только на коррекцию фигуры);

- *стремительную монополизацию мировой экономики несколькими западными транснациональными корпорациями (ТНК) и банками (ТНБ)*, что создает смертельную угрозу не только рынку и механизму конкуренции, но и институтам демократии на планете. Последнее следует из того, что быстро растущая экономическая власть мегакорпораций неизбежно трансформируется во власть политическую, постепенно «подминающую» и неумолимо заменяющую собой базовые демократические институты (миллиардер и, например, сельский учитель в принципе не могут быть равноправны в пресловутом западном «обществе равных возможностей», основанном на рыночно-капиталистических принципах хозяйствования);

- *беспрецедентный рост заболеваемости ВИЧ/СПИД, преступности,*

наркомании, расцвет работорговли, порноиндустрии, терроризма (в том числе международного, во многом обусловленного вооруженной борьбой отдельных технологически развитых государств за ограниченные ресурсы) и других деструктивных форм поведения;

- *возникновение и распространение на Земле тоталитаризма принципиально нового типа*, глобального, планетарного по своим масштабам, который базируется на вопиющей дифференциации научно-технологического и социально-экономического развития разных стран мира (на актуальность данной проблемы указывают, например, недвусмысленные высказывания некоторых влиятельных политиков о том, что сегодня «Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной... [она] стала необходимым для всего мира государством» [5, с. 40, 231]).

Об угрожающих масштабах современных глобальных противоречий цивилизации и их смертельной опасности однозначно свидетельствует серьёзная обеспокоенность мировой общественности в лице ООН и ЮНЕСКО, поскольку необходимость перехода к устойчивому (бескризисному, созидательному) развитию официально обозначена в качестве важнейшего программного приоритета и цели развития мирового сообщества на третье тысячелетие [17].

Оба описанных фундаментальных итога развития цивилизации настолько часто фигурируют на страницах периодических изданий, сборников научных трудов, материалов конференций, монографий, научно-популярных изданий и т. д. [см., напр., 1, 2, 8, 17, 19, 20, 21, 23, 27], что нам сегодня не остается ничего другого, как

рассмотреть их совместно, объединив в единый тезис. Новизна данной статьи заключается в том, что мы для весьма широкого круга читателей попытаемся обосновать вполне очевидный для большинства специалистов вывод о том, что именно *современный либерально-рыночный капитализм и его возобладавшая практически во всем мире рыночная идеология (мировоззрение, философия) являются главными факторами кризисного развития и причинами беспрецедентного обострения глобальных проблем современной цивилизации.*

Прежде всего, учитывая, что практика является вполне объективным и достаточно надежным критерием истины, можно подвести некоторые реальные итоги построения рыночно-капиталистической системы хозяйствования на территории бывшего СССР. При этом основной упор необходимо сделать на те страны, которые добились в деле построения рыночного капитализма максимальных успехов и сегодня, имея официально предоставленный статус стран с рыночной экономикой, являются (или почти являются) полноправными членами всевозможных формальных и неформальных клубов и организаций, основанных странами с так называемой развитой рыночной экономикой («восьмерка», ВТО, Парижский клуб, Киотское соглашение и т. п.).

Так вот, достаточно даже бегло просмотреть, например, статистический сборник СНГ, чтобы понять масштабы рыночного разгрома и смертельную опасность трансформационных социально-экономических кризисов, постигших все государства СНГ в результате воплощения великого

учения о чудотворной силе «невидимой руки» рынка и пресимуществах частнокапиталистической формы собственности. К сожалению, анализируя итоги и перспективы развития наших стран, приходится констатировать, что *в регионе преобладают тенденции, диаметрально противоположные тем, которые характерны для набирающих силу стран мировой экономической элиты.*

Учитывая, что в условиях новой (информационно-интеллектуальной по сущности) экономики именно научные знания и интеллект являются фактором, определяющим место или иного государства в иерархии технологически развитых стран, проанализируем прогресс научно-технической сферы в государствах — участниках СНГ по мере продвижения к рыночному капитализму. Будем иметь в виду, что при обосновании необходимости рыночных реформ в посткоммунистических странах в качестве фундаментального недостатка планово-командной экономики неизменно обозначалась низкая инновационная восприимчивость последней. В связи с этим едва ли не главной целью перехода к рынку (наряду с увеличением производительности труда, ростом объемов производства и, разумеется, повышением благосостояния людей) декларировалось усиление инновационной и инвестиционной активности субъектов хозяйствования.

К сожалению, почти два десятилетия построения рыночных систем хозяйствования в странах региона, завершившегося в некоторых государствах блестящим успехом (например, Россия, будучи в 2002 г. официально признанной ЕС, а в 2003 г. и США в качестве страны с рыночной экономикой, сегодня находится на пороге

вступления в ВТО), позволяют сделать вывод о том, что практически ни одна из обозначенных целей реформирования не была достигнута (если, разумеется, не считать общей риторики о демократии, свободах и т. п.). В частности, для России признание рыночной страной сопровождалось тем, что она «по уровню производства, объему ВВП, производительности труда, продолжительности жизни и многим другим показателям переведена ООН из категории развитых в число среднеразвитых стран современного мира» [12, с. 32]. И действительно, если в 1990 г. по интегральному показателю уровня жизни Россия занимала 33 место среди 198 стран мира, то всего лишь полтора десятилетия «рыночного оздоровления» экономики переместили её на 57 место. Кстате, согласно сведениям, опубликованным Евразийским международным научно-аналитическим журналом «Проблемы современной экономики» (см. № 3/4 за 2003 г., с. 65) в СССР индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) незначительно уступал данному индексу в США: если в СССР его величина составляла 0,920 (26-е место в мире), то в США — 0,961 (19-е место). За годы «рыночного оздоровления» этот разрыв увеличился почти в десять раз. Указанное ухудшение произошло вследствие целого ряда сравнимых с национальной катастрофой причин, среди которых [2, 20, 27]: а) снижение более чем в 4 раза реальных доходов населения; б) сокращение на 6–9 лет ожидаемой при рождении продолжительности жизни; в) сопоставимая с военной ситуацией депопуляция населения на 500–900 тыс. человек ежегодно и его прогрессирующая дегенерация (некоторые ученые называют

депопуляцию, наблюдаемую с начала рыночных реформ, «рыночным экономическим геноцидом» [20, с. 166; 27, с. 180]); г) падение объемов ВВП и промышленного производства в 1,5–2 раза и т. д.

В других странах СНГ, не столь богатых природными ресурсами, ситуация оказалось не менее сложной. Так, в целом по странам Содружества, даже после «бурного» экономического роста, связанного в основном с увеличением добычи сырья (в России, например, в период с 1990 по 2002 гг. доля в ВВП топливно-энергетического комплекса выросла в 2,75 раза), средний уровень ВВП и по сей день остается на отметке около 85 % от уровня 1990 г. При этом только «нерыночная» Беларусь смогла к началу века восстановить дореформенные показатели объемов производства.

Не стало исключением из правила и достижение главной цели рыночного реформирования — повышение инновационной восприимчивости и активности экономики. В отличие от развитых стран мира, стремящихся к росту наукоёмкости ВВП до уровня 3 %, все без исключения страны СНГ в процессе рыночного реформирования демонстрируют обвальное (в 2–11 раз) снижение данного показателя (см.: *Таблица*). Как следствие, резко снизилась доля стран региона на рынке наукоёмкой и высокотехнологичной продукции. Например, по оценкам специалистов Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, за последние 10–12 лет доля наукоёмкого сектора на внутреннем рынке сократилась с 12 до 6 %, а удельный вес России в мировой наукоёмкой отрасли снизился в 8–9 раз и составил менее 1 %. По другим, уточненным,

Таблица

Динамика наукоёмкости ВВП в государствах – участниках СНГ
в трансформационный период 1990–2003 гг.

Страна	Стоимость (объем) выполненных научных исследований, разработок и научно-технических услуг, % к ВВП			
	1990	1995	2000	2003
Азербайджан	1,0	0,31*	0,35	0,2
Армения	2,5	0,30*	0,26	0,3
Беларусь	2,3	0,95	0,81	0,7
Грузия	1,2	0,11	0,19	0,1
Казахстан	0,7	0,27	0,17	0,3
Кыргызстан	0,7	0,26	0,13	0,2
Молдова	1,6	0,75	0,58	0,4
Россия	3,0	0,81	1,28	1,5
Таджикистан	0,7	0,11	0,07	0,06
Туркменистан	0,7	0,26	0,10*	–
Узбекистан	1,2	0,39	0,36*	–
Украина	2,3	1,34	1,14	1,1

Примечания: *1999 г.; составлено по данным [11, с. 340; 15, с. 164].

оценкам, российская доля на анализируемом рынке сегодня гораздо меньше и составляет лишь 0,3 %.

Перечисленные факты однозначно свидетельствуют о том, что вопреки ожиданиям и уверениям идеологов рыночных преобразований во всех без исключения странах СНГ (в том числе и построивших рынок) реформы привели к обвальному снижению инновационной активности и вытеснению этих стран на обочину мирового научно-технологического прогресса. Так, если официальная оценка процессов, происходящих в научно-инновационной сфере России, характеризует их как «ослабление научно-технического и технологического потенциала страны, сокращение исследований на стратегически важных направлениях развития, отток за рубеж специалистов и интеллектуальной собственности... увеличивающийся технологический отрыв от ряда ведущих держав» (см.: *Концепция национальной безопасности Рос-*

сийской Федерации), то оценки самих учёных менее дипломатичны и звучат примерно так: «стремительная деградация научно-производственного потенциала страны... разгром отечественной фундаментальной и прикладной науки... движение истории вспять» [10, с. 167]. В частности, по мнению директора Института Европы РАН академика Н. Шмелёва, за прошедшие 10–15 лет 2/3 научно-исследовательского потенциала России было либо полностью, либо частично разрушено, а перед страной, которая первой отправила в космос человека, возникла перспектива превратиться в «интеллектуальное и технологическое захолустье». При этом, считает академик, расходы на фундаментальную науку, НИОКР и образование были *преднамеренно и целенаправленно* сокращены более чем на порядок [23, с. 17].

Нынешний итог рыночного разгрома научно-технической сферы сводится к тому, что почти все страны СНГ (за

исключением Беларуси и отчасти Молдовы) имеют ярко выраженную сырьевую ориентацию экспорта, поскольку в большинстве из них на долю 3–5 видов сырьевых продуктов и полуфабрикатов приходится от 58 (Украина) до 85 % (Туркменистан) стоимости вывозимых за границу товаров [11, с. 339]. Если истинной, надсжно скрытой от общественности целью рыночных реформ все-таки не являлось превращение региона СНГ в сырьевой придаток стран «золотого миллиарда», то достижение декларированной цели этих преобразований — повышение инновационной активности национальной экономики — можно считать проваленным. Впрочем, сказанное в равной мере относится и к любой другой задекларированной цели реформ, будь то рост благосостояния людей (реальная заработная плата снизилась за годы реформ в 4 раза), повышение производительности труда (уменьшилась в 1,5–2 раза), увеличение объема инвестиций в экономику (сократился в 3–4 раза) и т. д. [2, с. 195–199; 27, с. 180].

Поскольку работник в любой стране СНГ за тот же самый по качеству и количеству труд сегодня получает в десятки раз меньше, чем повсюду в индустриально развитом мире, то многие учёные, как и в начале прошлого века, громко заговорили о *вопиющей социальной несправедливости и сверхэксплуатации*, которые спустя 70–80 лет воцарились благодаря возрождающемуся рыночному капитализму. Так, известный российский академик Д. С. Львов в своем «Гражданском манифесте» (2003 г.) констатировал, что «такой высокой эксплуатации наёмного труда не знает ни одна развитая экономика мира», а некоторые ученые России вообще открыто призывают к

тому, что «пора прекратить сверхэксплуатацию 90 % населения страны в угоду 1–2 %» [20, с. 111]. В итоге, как отметил в своем интервью программе «Постскриптум» на ТВЦ от 9 апреля 2005 г. упоминавшийся выше академик Н. Шмелёв, *«мы постепенно превращаемся в самое социально несправедливое государство в мире»*, что, безусловно, несёт в себе зародыши социальных конфликтов и угрозу устойчивому развитию в регионе.

Предвидя активные возражения сторонников рыночно-капиталистической идеологии, апеллирующих к тому, что сегодня страны СНГ находятся в «переходе» (вот уж действительно точно!) и испытывают временные (кстати, длящиеся уже почти 20 лет) трудности «великого похода», а нужно равняться совсем на другие державы, следует отметить следующее.

Во-первых, так называемая *западная цивилизация с либерально-рыночными и псевдодемократическими ценностями является далеко не эффективной, как это нам постоянно внушают ее апологеты*. Действительно, вряд ли можно считать эффективной реализованную в странах «золотого миллиарда» рыночно-капиталистическую экономическую систему обеспечения высокого качества жизни для 20 % населения Земного шара за счет использования 80 % всех потребляемых в мире ресурсов (так любой д...к сможет хорошо жить!). Учитывая, что эта «золотая» часть населения планеты к тому же производит еще и более 90 % загрязняющих окружающую среду отходов своей жизнедеятельности, приходится констатировать, что 20 % населения развитых стран создают до 85 % общей нагрузки на окружающую среду. Таким образом, с точки зрения

идеалов ООН и ЮНЕСКО по обеспечению условий для *устойчивого развития*, скорее, остальные 4/5 человечества, производя лишь 15–20 % суммарной нагрузки на окружающую среду, должны быть образцом для подражания, а отнюдь не потребительско-эгоистичный «развитый» мир. Отсюда следует, что *в целях преодоления глобальных проблем цивилизации и перехода к устойчивому развитию именно передовые западные страны (а не мы, как это регулярно внушается) нуждаются в экстренном и радикальном реформировании...*

Во-вторых, в развитии предыдущего тезиса необходимо отметить еще одно обстоятельство. Подсчитано, что если «позолотая» часть человечества построит в своих странах столь же «эффективную» рыночно-капиталистическую систему хозяйствования по западному образцу и обеспечит себе точно такой же уровень жизни, то природных ресурсов хватит на всех лишь на 5–10 лет. Это означает, что вряд ли жители и тем более руководители развитых стран искренне переживают по поводу нищеты и отсталости развивающегося мира. Скорее, наоборот, вопреки публичным декларациям и руководствуясь основным рыночным принципом ориентации на индивидуальный успех, лидеры мировой экономики готовы сделать все от них зависящее (а сделать победители сегодня могут очень многое), чтобы *не допустить сокращения указанного отставания, а лучше вообще обеспечить стагнацию научно-технического и экономического потенциала в переходных и развивающихся странах*. Думается, что в данном абзаце статьи выражена истинная цель глобализации и рыночных реформ в целом ряде

стран мира, которые инициированы граблями мировой экономики и активно реализуются через щедро поощряемую ими «пятую колонну» в развивающихся и переходных странах, несмотря на молчаливое сопротивление и, к сожалению, весьма редкие активные протесты населения государств, подвергшихся тотальному рыночному разорению и разграблению.

Сразу оговоримся, что вывод о наличии могущественной и наверняка хорошо оплачиваемой «пятой колонны» практически во многих переходных, зависимых от Запада, странах, к огромному сожалению, отнюдь не является плодом воображения автора данной статьи, поскольку объяснить масштабы разгрома и разграбления некоторых национальных экономик вряд ли возможно одной лишь халатностью и папиным поведением. Хотя это, конечно, и запретная тема, по тем не менее многие другие учёные сегодня все смелее и громче говорят о продажности и сознательном злом умысле в действиях либералов-реформаторов. Действительно, «учитывая факты последних 15–20 лет, ничего другого не остается, как предположить, что чиновники (реформаторы) руководствуются не национальными интересами, а ценностями более высокого уровня, «общечеловеческими», или «мировыми», и вознаграждаются за свои усилия благодарным «мировым сообществом», представленным «государствами-лидерами»... При этом под «общечеловеческими» ценностями понимаются мировые деньги (на сегодня – доллары США)...» [20, с. 188].

Итак, беспристрастная статистика свидетельствует, что из более чем 185 стран мира, избравших рыночный путь развития, лишь около 10 % относятся

к категории развитых. Ситуация в остальных государствах весьма далека от благополучной и в большинстве из них только ухудшается по мере проведения рыночных реформ. Следовательно, практика реформ однозначно доказывает, что рыночный путь развития не только не гарантирует процветания конкретным странам, но и ведет к глобальному противостоянию и кризису.

Чудовищная несопоставимость практических результатов рыночных реформ и послуживших стимулом к их проведению ожиданий постепенно, но неизбежно подводит к осознанию того, что *теоретико-методологические основы либерально-рыночного капитализма содержат в себе глобальные дефекты, вследствие которых мировая экономика, несмотря на успехи отдельных стран, закономерно движется к кризису и, возможно, краху.* Конечно, опытные западные идеологи нашего либерально-рыночного реформирования, используя купленную ими «пятую колонну» в переходных к рынку государствах, предпринимают весьма грамотные действия для того, чтобы замаскировать «бумажным» экономическим ростом запрограммированную стагнацию многих переходных экономик. Их цель — притупить бдительность и довести ситуацию до того момента, когда превращение этих стран в сырьевой придаток просвещенного Запада станет необратимым из-за полного разрушения их научно-промышленного потенциала. Механизм этих манипуляций достаточно прост, хотя, как известно, нельзя спрятать вещь лучше, чем положив ее на самое видное место.

Пропуская целую главу о гибельной для промышленности обвальная приватизации, которую не только в

народе именуют не иначе как «приватизация», но даже и на Западе окрестили «пиратизацией» (имеется в виду недавно вышедшая в США книга Маршала Голдмана «Пиратизация в России»), рассмотрим современные присмыслы уничтожения (точнее, добывания) научно-инновационного и промышленного потенциала переходных стран, которые основаны сегодня, главным образом, на монетарных факторах. Теоретической платформой для этого процесса служит *радикальное направление неоклассической экономической теории, а именно либеральный монетаризм*, практическая реализация которого неизбежно ведет к тому, что роль изгнанного из экономики государства умалается до предела. В итоге государство превращается в «ночного сторожа с монетаристской колотушкой», в обязанности которого входит лишь выбивание налогов, охрана добытой в ходе приватизации собственности, а главное — святое дело борьбы с инфляцией путем формального планирования (ограничения) денежной массы.

Под теоретическим прикрытием либерального монетаризма и благовидным лозунгом борьбы с инфляцией в предназначенной «на заклятие» переходной экономике стараниями «пятой колонны» создается элементарный дефицит денег, который обеспечивает возникновение идеальных предпосылок, во-первых, для спекуляции деньгами, а во-вторых, для масштабной долларизации экономики. Об усердии «пятой колонны» в этом вопросе красноречиво свидетельствует, например, тот факт, что коэффициент монетизации (отношение количества денег в экономике к ВВП) в большинстве переходных экономик не

только многократно ниже, чем в развитых или пользующихся благосклонностью мировой элиты развивающихся странах, но и в 3–5 раз меньше теоретически допустимого минимума (порога безопасности) [8, с. 39; 19, с. 60–63; 27, с. 106].

В результате такого искусственно созданного дефицита денег, благодаря взвинченным до предела кредитным ставкам для промышленных и сельскохозяйственных предприятий, в банковскую сферу, провозглашенную «локомотивом экономики», перекачивается прибыль, честно заработанная обескровленным таким образом реальным сектором экономики. Не вследствие низкой эффективности функционирования, а по причине элементарной физической нехватки денег разражается кризис взаимных неплатежей и происходит нескончаемая вереница банкротств (значит, уничтожение) промышленных предприятий, научных организаций, фермерских хозяйств и др. [27, с. 309–310].

Разумеется, гражданам переходных стран, предусмотрительно лишенным даже своих мизерных накоплений за советский период, не суждено быть учредителями «локомотивов экономики», так как их владельцами, без сомнения, будут лишь избранные и назначенные западными идеологами реформ люди, которые, связывая свое будущее с богатыми странами, станут честно отрабатывать оказанное им доверие. «Беда в том, — характеризует данную проблему главный редактор российского журнала «Экономист» профессор П. А. Игнатовский, — что сегодня банковский кредит превращается в каналы выкачки средств из производства и их вывоза в зарубежные страны» [21, с. 8]. Иными сло-

вами, создаваемая в реальном секторе добавленная стоимость будет целенаправленно трансформироваться в прибыль «локомотивов экономики», а затем эшелонами поедет на Запад для приобретения футбольных клубов, яхт, персональных авиалайнеров, замков и прочих баснословно дорогих «игрушек», что, впрочем, уже давно наблюдается в некоторых переходных странах. Согласен с данной точкой зрения и другой крупный, уже белорусский, ученый С. А. Пелих, считающий, что, «применив монетаристскую теорию, мы обескровили наших товаропроизводителей, изъяв оборотные средства и перекачав их в «локомотив экономики», которым якобы является банковский сектор» [19, с. 362].

Кроме того, если вдруг, по счастливому стечению обстоятельств, цены на сырье пойдут вверх и в какой-либо переходной стране неожиданно появятся дополнительные («шальные») ресурсы, то «пятая колонна» немедленно получит от своих хозяев команду «стерилизовать» избыточную денежную массу путем создания всевозможных стабилизационных и резервных фондов, досрочной выплаты внешнего долга и перехода к активно критикуемой учеными «технологии» искусственного занижения ВВП, доходной части бюджета и принятия госбюджета с профицитом [6, с. 6–7]. Все эти действия будут реализовываться опять-таки под вполне благозвучным лозунгом борьбы с инфляцией в рамках концепции либерального монетаризма, хотя истинная цель этих действий — максимально сократить государственные расходы (на науку, образование, инвестиции) и исключить принципиальную возможность вложения «шальных» денег в экономику, которая запрограммирована Западом на

стагнацию, а отнюдь не на развитие.

Для того чтобы как можно дольше маскировать деградацию экономики иллюзией роста, постепенно доводя разрушение научно-промышленного потенциала до точки необратимости, «пятая колонна» умело пользуется весьма хитроумным способом, основанным на долларизации экономики и искусственных манипуляциях с валютным курсом. В частности, многие специалисты убеждены, что в результате специально организованного дефолта 1998 г. курсы национальных валют целого ряда стран СНГ оказались *искусственно заниженными по отношению к доллару*. Например, по мнению академика РАН В. Масвского, «в настоящее время рыночный курс российского рубля недооценен относительно паритета покупательной способности примерно в 3 раза» [14, с. 6], а по мнению некоторых других ученых этот курс вообще занижен в 4–5 раз [8, с. 42; 18, с. 125; 27, с. 300]. Сложилась драматичная ситуация, точь-в-точь как в одном известном литературном произведении: «западный человек сразу решил: теперь самое время объявить цену рублю — двугривенный» (М. Салтыков-Щедрин, «За рубежом»).

Как следствие, *недооценка национальной денежной единицы приводит к искусственному занижению ВВП страны в долларовом выражении*, в результате чего *появляется возможность его «бумажного» повышения путем приближения курса национальной валюты к реальной стоимости по паритету покупательной способности* (или хотя бы снижением скорости падения этого курса), что и наблюдается сейчас во многих странах СНГ. Созданный в результате дефолта 3–5-кратный запас подобного «роста» позволит иллюзионистам-реформаторам на протя-

жении еще 8–10 лет «рисовать» возрастание ВВП путем постепенного приближения искусственно заниженной величины к реальному значению. Поскольку описанный «рост» будет происходить без серьезных инвестиций, инноваций и структурных сдвигов в национальной экономике, то этот процесс, по замыслу западных идеологов наших реформ, приведет к окончательной примитивизации, утрате конкурентоспособности и превращению в сырьевой придаток «золотого миллиарда».

И даже в относительно благополучной Беларуси, где «невидимой руке» рынка, действующей исключительно в интересах крупного (значит, западного) капитала, не было дозволено замедлить или хотя бы отсеснить на второй план «зримую руку» Президента, которая всегда неукоснительно соблюдает национальные интересы белорусского народа, в монетарной сфере проявляются весьма негативные тенденции. В частности, по информации директора НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь С. С. Полоника, при оптимальном значении коэффициента монетизации 60–100 %, пороговым — не менее 50 % и кризисном — не менее 30 %, его реальное значение в нашей стране в 2003 г. составляло лишь 9,5 % [19, с. 60–63]. На недопустимость сложившейся ситуации прямо указывают и некоторые другие белорусские экономисты [8, с. 39].

Как и в России, Украине и т. д., курс национальной валюты в Беларуси очень сильно занижен. Например, известный белорусский экономист профессор С. А. Пелих указывает на то, что «курс нашего рубля к доллару более чем в 3 раза ниже паритета покупательной

способности, что свидетельствует о неэквивалентном обмене наших товаров и услуг и громадных потерях для экономики страны. Чиновники, ссылаясь на союзные договоренности с Россией, объясняют такой курс привязкой к российскому рублю, который тоже в 5 раз ниже паритета покупательной способности... Такая жесткая привязка валютного курса к России законсервировала наше промышленное производство, которое неуклонно теряет позиции на международной арене» [18, с. 125]. Хотя те же самые чиновники умело изображают достаточно высокий экономический рост даже в условиях быстрого снижения наукоемкости ВВП (см.: *Таблица*) и, следовательно, конкурентоспособности в отсутствие кардинальных структурных сдвигов в экономике, при недостатке прорывных инвестиционно-инновационных проектов и т. п.

Конечно, вести речь о «пятой колонне» в Беларуси не приходится, хотя нет никаких сомнений и в том, что если бы не усилия «зримой руки» Президента, стоящей на страже национальных интересов, то «невидимая рука» рынка, управляя нашими чиновниками, давно привела бы страну к быстрой колонизации со стороны западных ТНК и ТНБ. Сегодня даже частные предприниматели в Беларуси постепенно начинают осознавать, что если бы не сильное государство, которое, по утверждениям оппозиции, своим регулированием экономики якобы «душит конкуренцию и губит бизнес на корню», то в страну быстро пришли бы настоящие душителю конкуренции и губители демократии в виде западных ТНК и ТНБ, не знающих пощады и не признающих ничьих, кроме своих алчных, интересов. В

этом случае весь рыночный механизм мгновенно свелся бы к конкуренции мелких и средних предпринимателей за право с меньшей, чем у конкурентов, торговой наценкой распространять «кока-колу», телевизоры «Сони» и продукцию других мегакорпораций...

Таким образом, *очевидные неудачи практического рыночного реформирования в целом ряде переходных стран привели к сомнению в непогрешимости нового великого учения о либерально-рыночном капитализме, пришедшего на смену марксистско-ленинской идеологии*. И вообще, по мнению целого ряда весьма авторитетных ученых, на протяжении вот уже как минимум целого столетия актуальнейшей проблемой экономического образования и экономической науки в целом является их «романтизм», связанный с отрывом теории от практики и острой потребностью в «материализации» теоретических знаний [4, 16, 26]. И действительно, именно в XX веке наиболее отчетливо обозначилась явная неадекватность идеализированных теоретических моделей, призванных описывать и изменять экономическую практику, объективным реалиям социально-экономических процессов. Сегодня, в отсутствие на планете штатной «империи зла» в лице СССР и даже несмотря на безраздельное господство в экономической теории либерально-рыночной идеологии, воспевающей чудотворное всемогущество рынков и являющейся теоретической платформой буквально захлестнувшего всю планету рыночного реформирования, указанные противоречия проявили себя в особо острой, изощренной форме (см. выше).

Разумеется, осознание перечисленных и ряда других не менее важных

противоречий заставило здравомыслящую часть экономической научной элиты выдвинуть на передний план проблему взаимодействия теоретического и прикладного экономического знания. Иначе говоря, общеизвестный тезис «практика — критерий истины» нашел свое подтверждение в высказывании известного американского экономиста У. Баумоля о том, что сегодня среди экономистов «нарастает степень недовольства теорией, которая не вооружает нас инструментарием для анализа фактов и не поддается эмпирическому тестированию» [4, с. 95].

К сожалению, наиболее остро ощутили (и продолжают ощущать до сих пор) «материальное бесплодие» и «романтизм» экономической науки и, соответственно, образования страны так называемого постсоветского пространства. Именно здесь вместо обещанного советской политэкономией изобилия благ целые народы получили тотальный дефицит, а два десятилетия воплощения идей сменившей ее западной, обожествляющей рынок, экономики заставили большинство людей напрочь забыть прежние мечты о «жизни как в Швеции» и вести речь об элементарном выживании. Не случайно лауреат Нобелевской премии в области экономики, профессор Колумбийского университета (США) Дж. Стиглиц, характеризуя термином «провал» итоги построения рынка в некоторых переходных странах, отмечал, что рыночные реформы вопреки всем прогнозам и ожиданиям привели «к разбазариванию активов и уничтожению богатства», значительному снижению доходов населения, взрывному росту бедности и нищеты [22, с. 396].

В целом ряде переходных стран, на себе испытавших катастрофические

последствия глобального «либерально-го эксперимента» по рецепту вашингтонского консенсуса (обвальная приватизация, огульная либерализация, массированные иностранные заимствования на фоне искусственного сжатия денежной массы), вследствие затяжных экономических кризисов, сопровождающихся беспрецедентным спадом производства и деиндустриализацией, бегством капиталов и растущей долговой кабалой, «утечкой мозгов» и безработицей, деградацией и депопуляцией населения, длительными межэтническими конфликтами и кровопролитными войнами, былая вера во всемогущество свободных рынков также сильно пошатнулась. Например, по мнению некоторых известных российских ученых, в результате рыночных реформ контраст между экономической теорией и практикой оказался куда более разительным, чем в советскую эпоху, в результате чего «даже либерально мыслящие экономисты заговорили о формировании новой идеологической схоластики, ...ничуть не более близкой к реальной жизни, чем старая советская политэкономия» [16, с. 97]. И действительно, именно либеральные рыночные реформы, которые известный американский журналист, доктор наук П. Хлебников сравнил с «коллективным самоубийством», — главная причина превращения некогда на равных соперничавшей с США (хотя бы по отдельным направлениям) и имевшей второй в мире ВВП сверхдержавы в интеллектуальное и технологическое захолустье, население которого, по замыслу прорабов мировой перестройки, сперва должно быть оптимизировано по численности (что, кстати, методично реализуется с момента начала реформ), а затем навсегда приковано

к «сырьевой тачке» [25, с. 10, 105, 320–323]. Оказалось, что дорога в светлое рыночное будущее, выстланная «общечеловеческими ценностями» и «либерально-рыночными идеями», привела к колонизации (порабощению) переходных стран западными ТНК и ТНБ, что фактически равносильно национальной катастрофе.

В конечном счете, по обе стороны Атлантического океана, даже в странах с развитой рыночной экономикой, крупнейшие ученые-экономисты во весь голос заговорили о том, что до недавнего времени считавшийся непогрешимым «либеральный капитализм, который сегодня характерен для Запада, фактически показал ряд дефектов» [28, с. 13], а по мнению Дж. Стиглица, «недостатки неоклассической (либерально-рыночной) парадигмы, такие как явное противоречие прогнозов действительности, иногда настолько вопиющие, что едва ли нуждаются в утопченном тестировании» [22, с. 402].

Строго говоря, фундаментальные недостатки либерально-рыночной идеологии, ставшие сегодня очевидными даже неспециалистам, сводятся к ряду следующих положений, здравое осмысление которых неизбежно приводит к заключению о том, что **рыночный путь развития мирового сообщества принципиально несовместим с концепцией устойчивого развития.**

1. Рыночная система хозяйствования содержит генетически заложенный механизм *воспроизводства тотального экономического неравенства* (расслоения, дифференциации) как отдельных людей, так и регионов, стран и целых континентов. Этот фундаментальный дефект глобального рынка порождает

регионализацию — выделение обширных регионов планеты, где миллиарды людей за тот же самый по количеству и качеству труд получают заработную плату, в десятки и сотни раз меньшую по сравнению с несколькими странами «золотого миллиарда». Действительно, по данным ООН, сегодня более 2,8 млрд людей Земного шара, имея доход менее 2 USD в день [7, с. 131], элементарно голодают, в то время как среднестатистический американец ежедневно тратит аналогичную сумму только на коррекцию фигуры. Вполне очевидно, что *столь чудовищное социально-экономическое неравенство — следствие не менее масштабной эксплуатации* (см. выше), которая является не только основной причиной напряженности в отношениях между людьми, странами и их группами, но и благодатной питательной средой для терроризма как формы активного протеста против столь вопиющей несправедливости. Причём сегодня эта эксплуатация, благодаря выходу либерально-рыночного капитализма на интернациональный уровень, приобрела новые черты: она стала международной, а вслед за ней международным стал и терроризм.

Данное обстоятельство дает все основания воспринимать активно навязываемую сегодня глобализацию (американизацию) в качестве механизма *глобальной эксплуатации центром периферии* (странами «золотого миллиарда» — остальной части человечества) [1, 20, 27]. Как сегодня отмечают некоторые ученые, «глобализационные процессы протекают далеко не спонтанно, а под воздействием влиятельных международных организаций (Международный валютный фонд, ВТО, Всемирный банк) и глобальных

корпораций, которые зачастую преследуют и свои собственные интересы, и интересы сильных мира сего» [19, с. 359]. Сущность этих инструментов глобализации весьма цинично выразил З. Бжезинский, указав, что «следует считать частью американской системы глобальную сеть специализированных организаций, особенно «международные» (кавычки З. Бжезинского! — В. Б.) финансовые институты. Международный валютный фонд и Всемирный банк, можно сказать, представляют глобальные интересы и их клиентами можно назвать весь мир. В действительности же в них доминируют американцы, и в их создании прослеживаются американские инициативы (и, разумеется, интересы. — В. Б.)» [5, с. 40]. Один из показательных результатов функционирования этих финансовых институтов — возросшая до неимоверных размеров долговая кабала развивающихся и переходных к рынку стран. Так, «плодотворное» сотрудничество России и МВФ привело к тому, что общий долг СССР образца 1987 г. в 38,3 млрд USD за годы построения рынка многократно вырос и достиг (в России) 121,0 млрд USD к 2004 г. При этом практически все заимствования имели принудительно-связанный характер, нацеливая Россию на губительные для нее процессы: обвальную приватизацию, огульную либерализацию, деиндустриализацию экономики, деформацию системы образования и т. п. Сущность некоторых других международных организаций как нельзя лучше выразил министр сельского хозяйства России А. Гордеев в интервью программе «Момент истины» на ТВЦ 24 октября 2004 г., отметив, что «ВТО — организация лицемерная, вредная, прежде

всего для развивающихся стран».

В связи с этим хочется развить теорию либерально-рыночного капитализма, отметив, что *рынок — это отнюдь не механизм максимально эффективного использования ограниченных ресурсов, а чрезвычайно эффективная система эксплуатации и воспроизводства экономического неравенства, причем глобальный рынок — это система уже глобальной эксплуатации и, соответственно, глобального неравенства.*

2. В свободной рыночной экономике все без исключения «правила игры» устанавливает только крупный капитал, что фактически позволяет вести речь о *безграничной диктатуре денег в рыночной системе хозяйствования.* Не случайно известный предприниматель Б. А. Березовский в интервью программе «Постскриптум» на ТВЦ от 23 октября 2004 г. весьма компетентно, со знанием дела, выразил сущность западных общечеловеческих ценностей одной-единственной фразой: «Демократия — это власть крупного капитала». В связи с этим далеко не праздным является вопрос: *что опаснее для общества и его устойчивого развития: диктатура власти, которую в разных странах мира с разной степенью иллюзии люди хоть как-то избирают, или диктатура денег, которая вообще никому не подотчетна и никак не подконтрольна?*

Рыночная диктатура (рыночный тоталитаризм) в свою очередь порождает целый спектр производных негативных явлений и процессов. Во-первых, рыночный механизм, словно гигантский насос, обеспечивает устойчивое, однонаправленное масштабное перераспределение ресурсов в пользу владельцев крупных капиталов от прочих «неспособных к бизнесу» (второсорт-

ных, «незолотых») людей, народов и стран. Тем самым создаются предпосылки для неограниченной концентрации финансовых ресурсов, что неизбежно ведет к *постепенной монополизации национальной, а затем и мировой экономики*. В то время как в развивающихся и переходных к рынку странах наивно верят в такие рыночные рудименты, как конкуренция и «невидимая рука» рынка, практически вся мировая экономика уже давно монополизирована несколькими огромными западными ТНК и ТНБ, функционирующими в условиях тотального финансово-экономического и военно-политического патронажа своих государств. Действительно, в условиях, когда финансовые обороты крупнейших западных мегакорпораций в десятки и даже сотни раз превосходят ВВП абсолютного большинства стран мира, всерьёз вести речь о конкуренции и рыночном характере мировой экономики могут лишь наивные чудаки.

На фоне этих глобальных процессов лживая *экономика* призывает нас к окончательному изгнанию государства из экономики (государство — «ночной сторож с монетаристской колотушкой»), лукаво воспевая преимущества индивидуальных, малых и прочих принципиально неэффективных форм бизнеса, упование на которые неизбежно ведет к снижению конкурентоспособности, утрате экономической самостоятельности и порабощению стран, вставших на путь построения либерального рынка. Очевидно, что *сегодня противостоять всепоглощающей монопольной силе современных экономических гигантов способно лишь сильное государство*, не только не бросившее штурвал управления эко-

номикой на произвол рыночной стихии, но и всемерно, по всем направлениям, усиливающее свою роль и как регулирующего органа, и как глобального предпринимателя. Несомненно, только этим фактором можно объяснить устойчивый экономический рост Беларуси, в экономике которой доминирует ориентированная на соблюдение национальных интересов «зримая рука» Президента, а «невидимой руке» рынка, свято чтящей интересы одного лишь крупного капитала, позволено дополнить ее управляющее воздействие в тех областях, где это целесообразно опять-таки с точки зрения интересов белорусского народа.

Во-вторых, *функционирование рыночного механизма, предопределяя ускоренную концентрацию капиталов, создает смертельную угрозу не только конкуренции, но и институту демократии в целом*. Не случайно ООН официально выражает серьёзные опасения по поводу постепенной подмены демократических институтов глобальной рыночной диктатурой (экономическим тоталитаризмом). При этом ООН отмечает, что в данном процессе «особенно важную роль играют деньги, поскольку они могут подрывать устой демократических институтов на любом уровне: и парламентскую практику, и функционирование судебной и исполнительной власти... они обращают неравную экономическую силу в неравное политическое преимущество и подрывают демократический принцип «один человек — один голос»» [7, с. 137]. В современных условиях по-настоящему смертельная угроза для демократии исходит от крупного олигархического капитала, а поскольку сегодня он сосредоточен в так называемых развитых

странах Запада, то именно эти страны вызывают серьёзные опасения по поводу возможного зарождения в них подлинного тоталитаризма и тирании.

3. Свободный рынок принципиально не содержит в себе механизма самоограничения потребления. Более того, он всячески *стимулирует, поощряет неограниченные, превышающие разумную достаточность потребности*. Действительно, бизнесмен, осуществляющий перелёт на персональном авиалайнере стоимостью в миллиард долларов и сжигающий при этом десятки тонн горючего, с точки зрения рынка несравненно более успешен, чем рядовой предприниматель, пока только мечтающий о подобном успехе и потому решающий свои транспортные проблемы на общих основаниях. Все это неизбежно стимулирует безграничный рост и без того колоссальной нагрузки на природную среду, порождая множество глобальных конфликтов между человеком и природой. Совсем неслучайно в недавно вышедшей книге «Земля на чаше весов» вице-президент США А. Гор высказывает мнение о тупике, в который завела общество «рыночно-потребительская цивилизация», подводящая сейчас всю планету к опасной черте.

4. В либерально-рыночной системе, ориентированной на максимальную и быструю прибыль, все, что может приносить быструю прибыль — человек, его тело, жизнь, свобода, здоровье, честь, совесть, достоинство и т. п., — рассматривается рынком в качестве товара. Для иллюстрации справедливости этого тезиса достаточно напомнить о таких высокоэффективных (разумеется, только с точки зрения основ рыночного критерия успеха) сферах деятельности, как терроризм,

торговля оружием, сутенёрство, работорговля, купля-продажа человеческих органов и детей, игорный и наркотики-бизнес, порноиндустрия, «неподкупные» СМИ и правосудие и т. п. Несомненно, процветание этих достижений современного либерально-рыночного капитализма есть прямой результат функционирования рынка, признающего единственным критерием успеха максимальную и быструю прибыль. Таким образом, именно *рыночное мировоззрение является главной причиной падения нравов, отрицания морали, попрания этических норм и христианских заповедей* (достаточно вспомнить о легализации богопротивных однополых браков именно в странах с высокоразвитой рыночной экономикой, таких как Голландия, Бельгия, Испания, Канада и др.), что, в конечном счете, ведет к неизбежной деградации всего человечества.

Именно поклонение «рыночному идолу» заставляет бизнес, направляемый «невидимой рукой» рынка, инвестировать ресурсы в порноиндустрию, работорговлю, наркотики-бизнес, торговлю человеческими органами, детьми, оружием, женщинами и осуществлять другие подобные «социально значимые» деяния. Рыночный механизм, словно гигантский насос, перекачивающий ресурсы преимущественно в пользу держателей больших капиталов, порождает и усугубляет тотальную экономическую дифференциацию людей, заставляющую «незолотую» молодежь идти на панель (отсюда и ВИЧ/СПИД) или грабить прохожих (вот вам и рост преступности), принуждающую родителей продавать своих детей педофилам (тут уж не до школьного образования) и побуждающую инженера, доцента, профессора или акаде-

мика квалифицированно трудиться за вознаграждение, в несколько раз меньшее пособия по безработице в странах «золотого миллиарда» (в таких условиях, вопреки основополагающим принципам ЮНЕСКО, хоть всю жизнь учись, а из нужды не выберешься).

Неслучайно глобализация (то есть распространение либерально-рыночной системы хозяйствования на весь мир) сегодня очень многими учеными воспринимается как система глобальной эксплуатации: человеком — природы, международным капиталом — наёмного труда, центром — периферии, странами «золотого миллиарда» — остальными странами мира [1, с. 20].

5. Свободный рынок и его основной критерий эффективности — максимальная прибыль — вопреки догмам либерально-рыночной идеологии принципиально не способен адекватно оценить общественную полезность товаров, услуг, производств, видов деятельности и т. п. Действительно, с точки зрения либерального рынка сверхприбыльная наркоторговля или порноиндустрия гораздо более эффективны, нежели, например, внедрение экологически безопасных технологий, хотя и не сулящее дополнительной прибыли, но по-настоящему полезное обществу. Следовательно, либеральный рынок создает ложные, зачастую губительные ориентиры для экономического развития, делая его кризисным и тупиковым.

Кроме того, рыночная философия, ориентирующая предпринимателя на индивидуальный успех, в целом отрицает такие базовые для славянских народов ценности, как дух товарищества и коллективизма, государственность, державность, патриотизм. Действительно, с точки зрения либераль-

но-рыночной идеологии, homo oeconomicus — это примитивный «рыночный урод», который, будучи продавцом, занимается исключительно максимизацией своей прибыли, а в качестве покупателя он озабочен одной лишь максимизацией индивидуальной полезности. Такой индивид, денно и нощно максимизирующий что-либо, принципиально не способен броситься под танк с гранатой или закрыть амбразуру своим телом, спасая жизни товарищей, которые с точки зрения рыночной философии являются для него всего лишь конкурентами в жесткой борьбе за ограниченные ресурсы. «Рыночному уроду» чужды любые другие устремления, интересы, идеалы и цели, кроме его собственных — цинично корыстных, предельно эгоистичных, связанных исключительно с максимизацией индивидуальной прибыли (полезности), безразличных к проблемам общества и государства. И этому мы сами учим наших студентов в вузах, из года в год наращивая приём по экономическим специальностям!

При этом, предвидя возражения апологетов рыночного либерализма, очень важно пояснить, что классический тезис о «невидимой руке» рынка, которая якобы направляет стремящийся к прибыли и индивидуальному успеху частный бизнес в сторону удовлетворения общественных потребностей, сегодня всерьёз уже никем не воспринимается даже в странах с развитой рыночной экономикой, поскольку, по словам Дж. Стиглица, «рука может быть невидимой лишь по той причине, что просто не существует» [22, с. 337]. Кстати говоря, с Нобелевским лауреатом категорически не согласны некоторые российские ученые, считающие, что «невидимая рука»

рынка всё-таки существует, причём отнюдь не в единственном экземпляре. Например, проф. А. Амосов на страницах журнала «Экономист» (см. № 10 за 2004 г., с. 12) утверждает, что в России рыночное саморегулирование и оздоровление экономики свелось лишь к росту цен и масштабной перекачке бюджетных средств в пользу нескольких «невидимых рук», осуществивших беспрецедентное по скорости и бесстыдству личное обогащение. Более того, согласно известной теореме К. Эрроу о возможности, в рыночной системе, ориентированной на индивидуальный успех, «понятие групповых (общественных) интересов является химерой» [20, с. 29]. Иными словами, ценовой механизм рынка даёт серьёзные сбои, посылая ложные сигналы о величине (и даже полярности) общественной полезности реализуемых на рынке благ, что идет вразрез с догмами «непогрешимой» либерально-рыночной идеологии.

7. Современная экономическая наука обнаружила и достаточно детально исследовала ряд явлений, которые убедительно опровергают многие, казавшиеся незыблемыми, фундаментальные постулаты *экономикс*. В частности, анализ инсайдерской (агентской) проблемы ставит под сомнение центральный тезис рыночной идеологии об эффективном частном собственнике, доказывая, что нередко именно частный собственник экономически заинтересован в нанесении умышленного ущерба своему же собственному предприятию. В конечном счете, наличие инсайдерской проблемы существенно снижает эффективность функционирования рыночного механизма в целом [3]. Дж. Стиглиц получил Нобелевскую премию, доказав, что

считавшиеся до недавнего времени всемогущими «рынки при наличии асимметричной информации и других информационных несовершенств являются далеко неэффективными» [22, с. 378].

Известный американский экономист М. Блауг, критикуя формализм неоклассической либерально-рыночной концепции, писал, что благодаря ей «мы превратили экономику в своеобразную разновидность социальной математики, которая использует понятия “цена”, “рынок”, “товар”. Она выглядит как экономика..., в которой все взаимосвязи математические, все выводы получены математически, и нет ни единой мысли о том, а имеют ли эти математические переменные, концепции, функциональные связи какое-либо отношение к реальному миру» [цит. по: 24, с. 117]. Во многом солидарен с данной точкой зрения и другой крупный западный экономист Ф. Хайек, указывающий на то, что господствующий сегодня в экономической теории неоклассический подход окончательно «превратил экономику в разновидность чистой логики, набор самодостаточных предпосылок, которые, подобно математике или геометрии, не подлежат никакой иной проверке, кроме проверки на внутреннюю непротиворечивость» [цит. по: 24, с. 118].

Р. Коуз, лауреат Нобелевской премии 1991 г., характеризуя «романтическую» оторванность от практики современного неоклассического «мейнстрима», писал: «Еще одна черта современной экономической теории способствовала столь пренебрежительному отношению к другим аспектам системы: растущая абстрактность анализа, которая, похоже, не требует детализированного знания реальной эко-

номической системы или, по крайней мере, позволяет обойтись без такого знания... Исследуемая система существует не на земле, а в умах экономистов. Я назвал такой результат "экономической теорией классной доски", где термины "фирма" и "рынок" фигурируют, но без какого-либо содержательного наполнения» [13, с. 342].

Таким образом, XX век ознаменован тем, что концепция свободных рынков (впрочем, как и идеология бесклассового общества) потерпела сокрушительное поражение. Практика убедительно доказала, что ориентация вектора реформ на теоретические модели рыночного либерализма, которые давно уже не соответствуют реальности и потому сознательно навязываются нам желательными упрочить господство державами, является главной причиной кризисных процессов в большинстве стран, не относящихся к «золотому миллиарду». Например, характеризуя роль просвещенного Запада в организации экономической катастрофы своих и недалеком прошлом весьма могущественных конкурентов, лауреат Нобелевской премии профессор Дж. Тобин писал, что «профессиональные западные советники по вопросам управления переходом посткоммунистических государств к рыночному капитализму — экономисты, финансисты, руководители бизнеса, политики — способствовали появлению ложных ожиданий... Советы давались в одном направлении: демонтируйте инструменты контроля и регулирования, приватизируйте предприятия, стабилизируйте (методами либерального монетаризма. — В. Б.) финансы, уберите с дороги правительства и наблюдайте, как рыночная экономика вырастет из пепла».

Оказалось, что «все не так просто», поскольку необоснованная «вера в оптимальность саморегулирующихся рыночных механизмов отличает структуры, которые развитый мир навязывает развивающимся странам и странам с переходной экономикой» [цит. по: 9, с. 95].

Во многом благодаря такому внешнему вмешательству, помноженному на неумение наших ученых-экономистов критически осмысливать и создавать экономическое знание, а способных лишь слепо транслировать его, *на смену марксизму пришло другое, не менее правильное и единственно верное, великое учение о чудотворной силе рынков и либерально-рыночного капитализма*. Справедливости ради необходимо отметить, что у этих антагонистических великих учений диаметрально разные результаты воплощения. Если на основе первой парадигмы была создана держава со второй в мире экономикой, первой покорившая космос и за четыре года победившая Гитлера (который, кстати, без особых усилий за два года поработил всю либерально-демократическую Европу), то всего лишь полтора десятилетия реализации второй концепции превратили эту же самую державу в государство с вымирающим населением и «догоняющей Португалию» экономикой, которое на протяжении десяти лет не может справиться на своей территории с непобедимым Басаевым...

Несмотря на все вышесказанное, многие отечественные ученые и чиновники от образования, возложившие на себя лидерство в подготовке образовательных стандартов, учебных программ, учебников и учебных пособий по экономическим дисциплинам, по-прежнему делают основной упор на

так просто»,
ная «вера в
стирующихся
жачет струк-
мир навязыва-
анзм и стра-
мкой» [цит.

такому внеш-
оженному на
экономистов
и создавать
способных
сто. на сме-
тос, не менее
верное, ве-
той силе рын-
ка капитализ-
и необходи-
антагонисти-
наметрально
шения. Если
мы была со-
в мире эко-
ншая космос
шая Гитлера
обых усилий
ю либераль-
опу), то все-
ствия реали-
превратили
осударство с
и «догоня-
омикой, ко-
ости лет не
ей террито-
тыч...
зложенное,
ые и чинов-
ожившие на
вке образо-
сных про-
ых пособий
тлинам, по-
ой упор на

либерально-рыночный неоклассический «мейнстрим», и в частности на такую его радикальную разновидность, как монетаризм. Складывается впечатление, что они либо вообще не знакомы с работами современных, в том числе крупных западных и отечественных, учёных, либо *умышленно* игнорируют достижения мировой экономической мысли, а вместе с ними и весьма печальный, нередко катастрофический практический опыт либерально-рыночного реформирования (например, по общеизвестным словам академика Л. Абалкина, «либеральный монетаризм прошёл по России, подобно Мамаю»).

В то же время удивляет и даже отчасти восхищает недюжинная смелость вышеупомянутых учёных и чиновников, упорно ориентирующих систему образования на либерально-рыночную неоклассическую концепцию экономической теории. Действительно, опирающееся на «мейнстрим» экономическое образование приобретает откровенно прозападный и в целом антигосударственный характер, поскольку оно теоретически абсолютизирует самодостаточность «невидимой руки» рынка, бдительно защищающего интересы крупного (значит, западного) капитала, и тем самым методологически вытесняет из сферы управления экономикой «зримую руку» государства и Президента. Неслучайно в *Рекомендациях* недавно прошедшей в Академии управления при Президенте Республики Беларусь Международной научно-практической конференции «Государственное регулирование экономики и повышение эффективности субъектов деятельности субъектов хозяйствования» (г. Минск, 21–22 апр. 2005 г.) остро поставлен вопрос о не-

обходимости внесения серьёзных корректив в сложившуюся в Беларуси систему подготовки специалистов экономического профиля [8, с. 160–163].

Мы также глубоко убеждены, что, по меньшей мере, недопустимо, чтобы система образования продолжала тиражировать оторванные от реальности, «романтизирующие» рынок знания, которые:

а) послужили теоретико-методологическим базисом для монтажа и запуска механизма глобальной эксплуатации, что привело к распространению на планете глобального рыночного тоталитаризма;

б) позволили вовлечь в систему глобальной эксплуатации бывшие социалистические государства в качестве доноров сырьевых, финансовых и интеллектуальных ресурсов;

в) по сути и факту явились основой саморазрушения национальных экономик и деградации населения целого ряда стран;

г) способствовали предельному обострению глобальных проблем цивилизации.

К сожалению, приходится признать, что ни белорусские, ни российские, ни украинские и др. ученые до сих пор не создали стройной, хорошо структурированной и логически выверенной (как, например, навязываемый Западом всему миру неоклассический «мейнстрим») экономической теории, которая не только отвечала бы интересам относящихся к «золотому миллиарду» стран, но и учитывала национальные интересы и элементарные права других народов. Возможно, именно это имел в виду Президент Республики Беларусь, справедливо утверждая, что мы — экономисты в долгу перед своим народом...

Для заполнения существующего теоретического вакуума считаем жизненно важным в экстренном порядке сосредоточить все силы ведущих экономистов Беларуси, России, Украины и других испытывающих аналогичные проблемы стран на разработке концептуальных основ экономической теории, которая, во-первых, адекватно отражала бы реальные, сегодня уже далеко не конкурентные (т. е. не рыночные) экономические условия современного глобального олигархического капитализма, а во-вторых, давала бы нам реальные шансы активно воздействовать на экономическую практику в соответствии с нашими национальными интересами, оказывая достойное противодействие глобальным вызовам современности.

Кроме того, следует обратить внимание широкой общественности на то, что сегодня идеология глобализации (построения либерально-рыночного капитализма в масштабах планеты) хотя и позволяет странам «золотого миллиарда» безнаказанно и, на первый взгляд, весьма успешно осуществлять глобальную эксплуатацию «незолотой» части человечества, но именно эта идеология, являясь фактором кризиса, глобального противостояния и конфликта, создает реальную угрозу не просто устойчивому развитию всей цивилизации, но и ее элементарному существованию. Признав это, такие международные организации, как ООН, ЮНЕСКО и некоторые другие, могли бы скоординировать и направить усилия ведущих ученых планеты на разработку и реализацию новой эколого-ориентированной и человеко-центрированной (а, возможно, и какой-либо иной) научно-образовательной парадигмы, что, наконец,

обеспечило бы *реальные* предпосылки для перехода к устойчивому, бескризисному, созидательному развитию нашей цивилизации и снизило риск ее возможной гибели.

Литература

1. Абдулламидов Н., Губанов С. Двойные стандарты однополюсной глобализации // *Экономист*. 2002, № 12. С. 20–38.
2. Андреев С. Ю. Набат. Не говорите потом, будто вы его не слышали! М., 2002. — 400 с.
3. Байнёв В. Ф. Инсайдерская проблема как фактор кризиса предприятия в переходной экономике // *Белорусский экономический журнал*. 2003, № 4. С. 45–54.
4. Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // *Вопросы экономики*. 2001, № 2. С. 73–106.
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999.
6. Воронин Ю. От дефицита реформ к профициту «дерегулирования» // *Экономист*. 2002, № 12. С. 3–12.
7. Глобальный отчет о человеческом развитии за 2002 г. // *Белорусский экономический журнал*. 2003, № 1. С. 131–140.
8. Государственное регулирование экономики и повышение эффективности субъектов деятельности субъектов хозяйствования: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 21–22 апр. 2005 г.): Пленарные доклады. — Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. — 166 с.

9. Злотников А. Г. Нобелевские лауреаты по экономике о рыночных преобразованиях // *Белорусский экономический журнал*. 2003, № 1. С. 92–105.
10. Иванова Н. И. Национальные инновационные системы. М.: Наука, 2002. — 244 с.
11. Инновации и экономический рост. М.: Наука, 2002. — 377 с.
12. Келле В. Ж. Инновационная система России: формирование и развитие. М., 2003. — 148 с.
13. Коуз Р. Нобелевская лекция «Институциональная структура производства» (1991) // *Природа фирмы*. М.: Дело, 2001.
14. Маевский В. Макроэкономические проблемы развития России // *Экономист*. 2004, № 4. С. 3–8.
15. Наука и инновации в Республике Беларусь: Стат. сб. Мн., 2003. — 172 с.
16. Нуреев Р., Лагов Ю. Плоды просвещения (новая российская экономическая наука на пороге III тысячелетия) // *Вопросы экономики*. 2001, № 1. С. 96–115.
17. Образование для устойчивого развития: на пути к обществу знания: материалы Междунар. форума, (Минск, Республика Беларусь, 5–6 апр. 2005 г.). Мн.: Изд. центр БГУ, 2005. — 736 с.
18. Пелих С. А. Деньги, кредит, банки. Новое учебное пособие // *Бел. экономический журнал*. 2004, № 3. С. 124–126.
19. Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: Материалы V Междунар. науч. конф. (г. Минск, 21–22 окт. 2004 г.). В 5 т. Т. 1. Мн.: НИЭИ Мин-ва экономики Республики Беларусь, 2004. — 520 с.
20. Россия перед лицом глобализации. — М., 2004. — 220 с.
21. Сплав теории и практики // *Экономист*. 2004, № 3. С. 5–16.
22. Стиглиц Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории // *ЭКОВЕСТ* (Экономический вестник). 2003, № 3. С. 336–421.
23. Стратегия выбора, выбор стратегии: Материалы науч. конф. (г. Москва, 4–5 нояб. 2003 г.). В 3 ч. Ч. 1. М., 2003. — 76 с.
24. Тумилович М. Формализм, экономическое образование и экономическая наука // *ЭКОВЕСТ* (Экономический вестник). 2003, № 1. С. 102–123.
25. Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001.
26. Экономическая наука, образование и практика в России в 90-е годы // *Вопросы экономики*. 2001, № 2. С. 84–95.
27. Экономический рост и вектор развития современной России. М., 2004. — 726 с.
28. The Economist. London, 2003. 28 June. P. 13.